

А. Н. Алёхин, Е. И. Осташева, О. А. Литвиненко

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ¹

Введение

В процессе формирования и организации психологических отношений личности, систематизирующую функцию осуществляет мышление. В психологии мышление определяют как опосредованное обобщенное познание объективной реальности. Отечественные психологи С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, Б. М. Теплов, А. Н. Леонтьев и др. связывают психическую сферу человека с конкретной, внешней, предметной деятельностью: «Мышление как процесс неразрывно связано с мышлением как деятельностью личности» [8. С. 181].

На практике изучение мышления производится через исследование целенаправленной деятельности человека и поведения (наблюдение, решение задач в эксперименте, анализ продуктов деятельности), поскольку поведение в проблемных ситуациях и является результатом мышления, экстеризацией его результатов. В таком аспекте можно различать поведение как ситуативное и внеситуативное [10. С. 312]. Ситуативность предполагает реакции человека на внутренние или внешние стимулы, которые зачастую не требуют осмысления, или не подвергаются надлежащему анализу для прогнозирования складывающейся ситуации. Мышление при таком поведении скорее обслуживает свершившееся поведение, нежели определяет его. Наиболее отчетливо ситуативное поведение наблюдается у детей, являясь для них «одной из главных возрастных характеристик» [10. С. 313].

Постепенно, с переходом внешней речи во внутреннюю, с расширением системы социальных отношений ребенка, с формированием таких мыслительных функций, как анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, ситуативное поведение замещается осознанным. Мышление, во-первых, обеспечивает способность моделировать события и способствует формированию репертуара социального поведения ребёнка, которое, поощряясь взрослым, формирует соответствующие психологические отношения. Во-вторых, доступные формы поведения подвергаются означиванию в зависимости от того, как они способствовали достижению целей. Благодаря такому научению, поведение, позволяющее ребёнку достигать желаемого и избегать наказания, начинает воспроизводиться в схожих ситуациях. Обдуманное или намеренное использование определённых форм поведения — важный признак выхода за пределы ситуативности. Установлено, что внеситуативное поведение у ребенка должно сложиться к концу дошкольного возраста [10. С. 312]. Этот возраст совпадает с критическим периодом развития, когда осуществляется консолидация социальных, интеллектуальных, эмоционально-волевых, моральных и других новообразований психического развития. Внеситуативное поведение, таким образом, является результатом психического развития и формирования психологических отношений в этом периоде онтогенеза. «Сохранение ситуативности поведения у детей 6–7 лет может свидетельствовать о задержке психического развития» [10. С. 312]. В основном, к семи годам у ребенка формируются базовые отношения, которые будут непрерывно усложняться в ходе расширения социального опыта и развития интеллекта. В этом же возрасте формируются основные формы мышления. Г. П. Щедровицкий отмечал в этой связи: «...в исследовании мышления... сначала нужно рас-

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-06-00270).

крыть его ранние ступени, затем показать их усложнение и появление новых образований и так двигаться постепенно, не важно — снизу-вверх или сверху вниз, но всегда помня, что происходит усложнение структур мышления» [13. С. 95].

Формы мышления и поведения формируются в условиях повседневной жизни. Следовательно, можно предполагать, что принятые в данных условиях практики социальных отношений находят своё отражение в этих формах. Так, в соответствии с теорией социального научения (А. Бандура), человек решает свои задачи не только путем непосредственной реализации полученного опыта, но и с помощью процессов ментального моделирования событий, в том числе в результате наблюдения [3. С. 237]. Анализируя когнитивный аспект поведения, М. Коул формулирует проблему экологической валидности поведения — «степени, в которой поведение, проявленное в одних обстоятельствах, может быть принято в качестве характеристики когнитивных процессов индивида в широком спектре других обстоятельств» [7. С. 252]. По мнению автора, это связано с контекстом, в котором разворачивается поведение, то есть с индивидуальным восприятием ситуации, мотивацией, мотивировкой человека, его эмоциями, испытываемыми в отношении ситуации. В этом же аспекте можно рассматривать учение А. А. Ухтомского о доминанте, когда выполнение человеком задачи, субъективно воспринимаемой как наиболее значимая (тревожащая), подавляет все другие, и занимает центральное место, что обеспечивается и на физиологическом уровне проявлениями «повышенной возбудимости, повышения впечатлительности определенной центральной области» к определенным раздражителям [12. С. 150].

Поведение ребёнка формируется в условиях одобрения значимым взрослым одних проявлений и торможения других. Усваивая требования и ожидания значимых других, ребенок научается адекватному поведению, и это обеспечивает ему место в этом обществе и статус «нормального», «полноценного» [1. С. 60].

Задачи, которые приходится решать человеку в повседневной жизни, разворачиваются в системе его отношений, которая представляет собой индивидуально-организованную систему переживаний. По В. Н. Мясищеву, «психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» [9. С. 10]. Система отношений человека, таким образом, формируется в неразрывной связи с развитием психических функций, в частности мышлением.

Функции мышления обеспечивают операции со знаниями [11], которые усваиваются человеком в процессе жизни. Основатель культурно-исторической психологии Л. С. Выготский сформулировал генетический закон, согласно которому высшие психические функции сначала формируются в социальном плане и имеют статус интерпсихических, а затем — в индивидуальном, приобретая статус интрапсихических функций [4]. То есть процесс интериоризации социален по своей природе. Поэтому и содержание мышления формируется социумом, и их формы операций с содержанием задаются в ходе развития, когда процесс интериоризации протекает наиболее интенсивно. Формы мышления конкретного человека определяются его интеллектуальными возможностями, качеством приобретенного опыта, доминирующими мотивами человека. Но эти формы определяются усвоенными в детстве, и можно предполагать, что их особенности будут проявлять себя на протяжении жизни, определяя особенности системной организации отношений личности.

Новейшая история России характеризуется кардинальными изменениями во всех сферах общественной жизни, что не может не сопровождаться появлением новых, доселе неизвестных психологических феноменов. Действительно, социологи, культурологи, философы заговорили о появлении на социальной арене «нового человека». В поле

зрения исследователей всё чаще попадают формы необычного поведения в молодежной среде. Отмечается рост числа подростков, реализующих различные формы саморазрушающего поведения. Это и увлечение экстремальными видами досуга, и употребление психоактивных веществ, и ранняя алкоголизация, и непосредственная аутоагрессия. Широкое распространение приобрели эзотерические практики работы над собой. Популярны brutальные способы вмешательства в собственную внешность, результаты которых зачастую необратимы. Подобное поведение можно было бы, в соответствии с традицией, оценивать в качестве девиантного. Однако в современных условиях не представляется возможным определить и границы «нормального» поведения, выход за которые можно было бы признать девиацией. Термин «девиантность» вводился и имел ясное значение тогда, когда доминировали представления о нормативном поведении советского человека, им фиксировали отклонения от такого поведения. Возможно, разнообразие форм поведения молодого поколения можно рассматривать и в качестве разнообразных индивидуальных способов психической адаптации в современных социальных условиях.

Для проверки этой гипотезы проводились клинико-психологические исследования двух поколений молодых людей: больных шизофренией и здоровых. Группы по поколениям были сформированы на основании социально-психологического анализа и периодизации новейшей отечественной истории.

Годы рождения испытуемых старшего поколения — 1972–1979 годы, младшего — 1989–1995 годы. На момент обследования возраст представителей обоих поколений колебался от 17 до 25 лет. Таким образом, группы обследуемых различались по условиям их психического развития и формирования психологических отношений. Формирование и развитие психики и личности испытуемых старшего поколения проходили в условиях идеологической организации социальных отношений. Младшего — в современных условиях сложившегося общества потребления.

В исследовании применялись следующие методы: количественно-качественный контент-анализ записей в медицинской документации, структурный анализ бредовых фабул, метод «Неоконченные предложения», метод графов.

Результаты исследований

Для анализа психологических отношений личности обследованных молодых людей использовался хорошо зарекомендовавший себя и отвечающий задачам исследования патохарактерологический диагностический опросник (ПДО, Личко и соавт). Проводился контент-анализ утверждений опросника, которыми обследуемые разных поколений характеризовали себя.

В старшем поколении испытуемых наибольшее количество высказываний охватывает темы самореализации и развития личности. Преобладают такие высказывания, как: «Я работаю над самосовершенствованием», «Действительно я хочу быть хорошим врачом», «Я мечтаю, что из меня выйдет настоящий профессионал», «Действительно я хочу стать хорошо образованным человеком», «Я опасюсь не стать хорошим специалистом». Таким образом, проблемы эффективной социализации были актуальны для этого поколения молодых людей. Для испытуемых младшего поколения наиболее значима тема реализации конкретных ситуативных задач. Среди них: «Я надеюсь сдать летнюю сессию», «Я боюсь, что провалюсь на следующем экзамене», «Я ужасно хочу получить “отлично” на экзамене». Важным различием в ответах испытуемых разных поколений является отношение к окружающим людям, стране и обществу. В высказываниях старшего поколения испытуемых большое внимание уделяется проблемам и ожиданиям,

связанным с окружающими людьми, в том числе незнакомцами. Характерны такие высказывания: «Наихудшим наказанием для меня стало бы молчание/бойкот», «Я страстно желаю всем людям благополучия», «Лучшей наградой для меня будет похвала многих людей», «Я сделаю все возможное, чтобы наши люди жили хорошо», «Я буду счастлив, если смогу помогать людям». У современных молодых людей направленность на контакты с людьми ограничивается взаимодействием с близкими и родственниками. Испытуемые утверждают: «Лучшей наградой для меня будет признание отца/слова одобрения от близких людей», «Наихудшим наказанием для меня стало бы порицание близких», «Я готов на все ради близких людей». В отношении досуга и отдыха у испытуемых изучаемых поколений были выявлены следующие различия: во-первых, младшее поколение значимо чаще указывает на желание насладиться отдыхом. Во-вторых, представители старшего поколения склонны уточнять форму и место отдыха, отвечая на вопросы относительно досуга. Так, многие пишут: «Я ужасно хочу отдохнуть на море/посетить Крым», «Мне очень понравилось, если бы по телевизору показали мой любимый фильм», «Я страстно желаю пойти в кино». Современные молодые люди испытывают затруднения в уточнении того, как они хотели бы проводить свободное время: «Лучшей наградой для меня будет радость», «Я жду лета», «Я страстно желаю путешествовать/отдохнуть». Полученные данные исследования современных молодых людей идентичны результатам, полученным нами ранее при исследовании подростков [2. С. 13–19].

Таким образом, в системе психологических отношений нового поколения молодых людей отчётливо усматривается эгоцентризм, гедонистические мотивы, отсутствие временной перспективы и социальных ориентиров развития. Анализируемая система психологических отношений представляется плохо организованной, в ней не выявляется иерархии ценностей и мотивов, круг значимых других представлен конкретными персонажами из ближайшего окружения.

Подобные результаты были получены и при исследовании двух поколений молодых людей, страдающих параноидной шизофренией. Исследовались материалы описаний дебюта заболевания в медицинской документации. Анализировались бредовые переживания больных, которые в себе несли отпечаток сформированных психологических отношений личности. Выделялись: персонажи бредовых фабул, которых больные могли идентифицировать или не («Какой-то мужчина», «Я не знаю, кто бы это мог быть» и т. д.), роли, которые предписывались персонажам бредовых переживаний, характер воздействия персонажей в переживаниях. Также фиксировалось наличие или отсутствие аргументации причин воздействия, наличие или отсутствие стратегий противодействия больных враждебным проявлениям персонажей бреда.

По результатам контент-анализа медицинских описаний и структурного анализа бредовых фабул больных выделенные персонажи могли выступать главной воздействующей фигурой, могли иметь помощников (другие воздействующие фигуры), в ряде случаев эти фигуры не выделялись в качестве главной или второстепенной, могли действовать одновременно, при наличии контекстуальной связи между собой или её отсутствии.

По признаку «главный идентифицированный персонаж» при сравнении изучаемых поколений больных выявлено, что в доминирующем проценте случаев представители старшего поколения конкретизируют главную воздействующую фигуру (82% — в старшем и 43,6% — в младшем поколении больных ($p < 0,01$)).

Выявлены различия в «наличии аргументации воздействия» (51,3%; 23,1% ($p = 0,01$)) и в «стратегии противодействия» (79,5%; 33,3% ($p < 0,05$)), которые оказываются ниже у представителей младшего поколения. Показатели «связности элементов бредовой фабулы» в старшем поколении значительно доминируют (74,3%; 23,1% ($p < 0,01$)).

Установлено, что бредовая фабула по своей структуре отличается у разных поколений. Структурный анализ элементов бредовых фабул позволил определить их взаимоотношения у представителей разных поколений больных.

У старшего поколения усматривается иерархическая система отношений персонажей бреда, все они объединены одним контекстом, их действия подчинены целям, которые названы и аргументированы, что характерно для большинства больных данной возрастной группы. В бредовой фабуле представителей младшего поколения не прослеживается какой-либо иерархии, нет аргументаций для большинства действий и высказываний. Элементы бредовой фабулы не связаны контекстуально.

Проведенное исследование показало, что в двух поколениях больных фабулы бреда различны и по структуре и содержанию. Для старшего поколения больных характерно дискурсивное строение бреда, отражающего представления о системе иерархических отношений и своём месте в этой системе. Это менее характерно для поведения и содержания переживаний младшего поколения больных. Таким образом, структура бредовой фабулы у старшего поколения имеет тенденцию к систематизации, у младшего — данная тенденция отсутствует.

Выводы

Проведенные исследования показали, что в системах отношений как психически здоровых, так и больных шизофренией людей, психическое развитие и формирование которых пришлось на разные в психологическом аспекте этапы новейшей истории России, имеются очевидные различия.

В старшем поколении психически здоровых молодых людей чаще выявляются мотивы помощи, любви, страха смерти, значимости профессиональных и личных достижений, развития общества и страны, будущих детей. Большое внимание уделяется проблемам и ожиданиям, связанным с окружающими людьми, в том числе незнакомыми членами общества. В младшем поколении планы и желания более размыты, не сформулированы и лишены целенаправленности. Старшее поколение отличает особая пространственно-временная структура, нацеленность на получение профессии, ориентация на далекое будущее. Переживания современного молодого человека сконцентрированы на решении ближайших жизненных задач — он боится не сдать ближайшую сессию в университете, не справится с экзаменом.

У испытуемых младшего поколения мышление разворачивается в более узком пространственно-временном диапазоне: родители, ситуативные проблемы обучения, отдых. В связи с этим можно говорить, что базовые модели мышления современного человека отличаются от моделей, формировавшихся в иной социокультурной среде. Таким образом, изменение социокультурной ситуации сформировало принципиально иные базовые модели мышления, следствием чего стало появление новых форм поведения.

Результаты исследования больных шизофренией согласуются с данными, полученными при исследовании здоровых молодых тех же поколений. Структура конструируемых больными бредовых фабул в старшем поколении имеет четкую иерархическую организацию, в младшем поколении — иерархии не прослеживается.

Доминирующие переживания представителей старшего поколения структурированы, связаны с общественными интересами. У молодых — направлены на достижение собственного благополучия, мало учитываются вышестоящие фигуры. В старшем поколении, как больных, так и здоровых молодых людей поведение более целенаправленное, чаще выстраиваются причинно-следственные связи, аргументации событий. Следова-

тельно, формируя свое поведение, представители старшего поколения задействуют более сложное сочетание мыслительных функций, а их базовые модели мышления имеют более сложный уровень. Это объясняется тем, что в условиях формирования психических функций основополагающие принципы отношений между людьми, содержание, направленность и значение деятельности у представителей старшего поколения контролировалась более тщательно, имели место единые общественные стандарты, которые демонстрировались старшими и интериоризировались данным поколением, формируя соответствующие базовые модели мышления.

В младшем поколении как психически больных, так и здоровых молодых людей, сформировавшихся вне моноидеологической организации общества, в базовых моделях мышления отсутствует структурная направленность. Уровень мыслительных операций, используемых ими, характеризуется простым сочетанием мыслительных функций, мало нацеленных на выстраивание долгосрочных перспектив, концентрированностью на решении ситуативных задач.

Обобщая полученные результаты, можно констатировать, что система отношений нового поколения людей претерпела существенную динамику в сравнении с прошлым поколением. Эта система не обладает отчетливой структурой и представляется более фрагментированной. В системе отношений современных молодых людей на первый план выступают эгоцентрическая ориентированность и отсутствие отчетливых перспектив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхин А. Н., Литвиненко О. А. Содержание психопатологических феноменов при дебюте шизофрении и идентичность: теоретический аспект // Вестник психотерапии. 2014. № 49(54).
2. Алёхин А. Н., Осташева Е. И. Особенности формирования личности в подростковом возрасте как индикаторы качества образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2013. № 6. С. 13–19.
3. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
4. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
5. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). М., 1997. 464 с.
6. Ильенков Э. В. Доклады X Международного гегелевского конгресса (Москва, 26–31 августа 1974). Вып. IV. М., 1974. С. 69–81.
7. Коул М. Культурно-историческая психология: Наука будущего / Пер. с англ. М. Коул. М.: Когито-центр: Ин-т психологии, 1997. 431 с.
8. Кордуэлл М. Психология. А — Я: Словарь-справочник / Майкл Кордуэлл / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 448 с.: ил.
9. Мясищев В. Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / Под ред. Бодалева А. А. М.: Модэк МПСИ, 2004.
10. Психология развития: Словарь / Под общей ред. Петровского А. В.; редактор-составитель Карпенко Л. А.; под ред. Кондратьева М. Ю., М., ПЕР СЭ. 2005. 176 с.
11. Солсо Р. Когнитивная психология / Солсо Р. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. 589 с: ил. (Серия «Мастера психологии»).
12. Ухтомский А. А. Доминанта: Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
13. Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 7. М., 2004. 368 с.